

В марте этого года исполнилось 100 лет со дня рождения нашего земляка, донского казака, уроженца земли кумылженской, члена Союза писателей России Павла Павловича ПЛОТНИКОВА, ныне живущего в Карелии. Выпускник истфака Сталинградского пединститута, перед войной он работал учителем истории. В начале августа 1942 года добровольцем вступил в ряды 154-й отдельной морской стрелковой бригады (64-я армия, Сталинградский фронт). Служил военным переводчиком. Позже воевал на Калининском и 2-м Прибалтийском фронтах. Гвардии полковник в отставке, награждён тремя боевыми орденами и шестнадцатью медалями. На фронтах Великой Отечественной Павел Плотников тайно, нарушая запрет, в течение многих месяцев вёл дневники, на основе которых впоследствии появились его книги: «С Родиной в сердце», «Война день за днём», «Семнадцать уроков патриотизма», другие.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из романа-воспоминания «Война изнутри».

Павел Плотников.

ВОЙНА ИЗНУТРИ

Фронтное житьё-бытьё

Войну читатель больше знает по боям: как стреляют, наступают и обороняются, как гибнут люди и льётся кровь. Но помимо участия в боях у солдата на войне есть и другие заботы: он должен пить и есть, мыться и бриться, отдыхать и спать, иметь табачок, а ему хотя бы «катюшу»-зажигалку; еще неплохо бы запастись парой портянок и бельишка, иголкой и ниткой, что-нибудь придумать против вшей — извечного врага человека на фронте. Одним словом, война войной, но все человеческое не чуждо никому. Пока человек жив...

Продовольственному и вещевому снабжению армии уделялось большое внимание. Страна старалась давать своим защитникам все необходимое, и часто, получая, скажем,

новое обмундирование, мы удивлялись: откуда же все это берется, если в городах и сёлах разруха и нищета? Мы испытывали чувства сыновней признательности нашим людям, которые героически трудились в тылу для нас, для армии.

Приказ кормить бойцов три раза в сутки горячей пищей исполнялся неукоснительно, хотя бывали, конечно, и исключительные случаи. Теоретически, возможно, рацион солдата и содержал нужное количество калорий, но в действительности эти калории не возмещали расход физических сил и нервной энергии. К тому же пища часто была однообразной. На фронте я не встречал людей с излишним весом, даже просто упитанными мы не были. Но и голодными тоже не были никогда.

Несмотря на заботу, солдат на фронте всегда был готов поесть и часто что-либо придумывал. Когда в декабре 1943 года мы находились в невеликом «мешке» и временами с продовольствием было туговато, молодые солдаты ночью делали вылазки на нейтральную полосу, обследовали погреба, ямы сожженных деревень и иной раз что-то в них находили: муку, картошку, кусок сала, сухари.

Бывало, возвратясь с трофеями, солдатики начинали печь оладьи и тут же со смехом рассказывали о том, как добывали эти продукты под носом у немцев: прижимались к земле и замирали, если фашист пускал осветительную ракету или начинал строчить из пулемета. Во всем этом была этакая героическая романтика. Да и как иначе, ведь среди бойцов было много совсем юных, восемнадцатилетних мальчишек!

Если зимой убивало лошадей и между боями позволяла обстановка, солдаты разводили костры и в котелках, ведрах варили конину. Рассуждали по-хозяйски: чего добру пропадать!

На территории Латвии летом 1944 года положение было несколько другое. Население, естественно, стремилось уйти из зоны боев. Брошенная скотина бродила повсюду, нередко встречались убитые и раненые животные. А недоенные коровы страшно ревели. Тут уж солдаты, чаще всего пожилые, бывшие крестьяне, брали ведро, а то и котелок или каску и сдаивали молоко, облегчая участь буренок. И сами пили парное молоко, приносили товарищам.

В первых числах августа 1944 года мы прибыли в 1-й батальон 343-го стрелкового полка. Ехать на передовую было рановато, и нас пригласили на ужин. На плащ-палатке

солдаты разложили хлеб, консервы, холодную баранину. В центре поставили ведро с парным молоком. Окинув взглядом этот натюрморт, командир батальона капитан А. В. Зилотов заметил:

— А лука-то у нас нет!

— Сейчас будет, — ответил солдат.

Оказывается, у своего окопа он развёл целый огород. Через несколько минут возвратился с пучком зеленого лука.

В то лето богато уродилась лесная малина, было много крыжовника и черной смородины, и наслаждались мы всем этим вволю. Хуже было зимой и весной. Первое и второе готовили главным образом из концентратов, которые солдаты прозвали «стрептоцидами». Овощи были редкостью. Однажды вечером, было это в конце января 1945 года, я спустился в блиндаж знакомого мне командира батальона. На столике у него я увидел ломти хлеба и луковицу. Комбат сказал:

— Вот посылал фуражира за сеном и наказал ему достать лука. Он объездил вокруг тридцать пять километров и, верите, привез только вот эту одну-единственную луковицу. Угощайтесь.

Перочинным ножом он разрезал луковицу на тонкие ломтики, положил их на хлеб, посолил. Это был ни с чем не сравнимый деликатес! Наши медики рекомендовали употреблять в пищу клюкву, чернику, бруснику, щавель, березовый сок. Наиболее распространенным витаминным средством был хвойный отвар — очень полезный, но горьковатый на вкус. Нередко можно было наблюдать такую картину: к полевой кухне выстроилась очередь бойцов, но обед выдавался только тогда, когда боец выпивал кружку такого отвара. Бочка с ним стояла рядом с кухней.

Однообразие пищи, особенно зимой и ранней весной, бывало поводом для острословия. При политотделе служил солдат Антон Рябко. Как-то приносит он нам с Афанасием Кашиным обед. Мы его спрашиваем:

— Антон, что сегодня на обед?

— Сейчас посмотрим, — отвечает он.

Не торопясь нарезал хлеба, потом взял в руки котелок с супом и через край налил в оловянную миску какую-то мутную, тёмную баланду.

— А-а, «темная ночь!» — определили мы.

Так солдаты прозвали суп из горохового концентрата. Был суп и из гречневой муки — «синенький платочек». Вслед за супом в миску вывалилась какая-то косточка.

— Антон, а где мясо?

— Как где, а это что? — невозмутимо отвечал он, указывая на косточку.

— Тогда давайте бросим жребий, кому достанется это «мясо», — предложил Афанасий. Кость досталась Афанасию, и была она белая, как будто ее вываривали в татарском казане со времен Чингисхана. Посмеялись и принялись за трапезу. Похлебали супу, потом съели по пирожку с пшеничной сечкой — это было второе блюдо под стать «темной ночи». Сидим и не знаем: обедали или нет.

— Антон, — попросили мы, — будь добр, дай «учебного сахарку»!

«Учебным сахаром» у нас называлась соль. Антон молча насыпал на стол две щепотки серой крупнозернистой соли и, чтобы измельчить, раскатал ее бутылкой. Посыпали хлеб солью, запили чайком и почувствовали, что вроде что-то поели.

Иной раз устраивали мы чаепитие и не с «учебным», а с настоящим сахарком, причем, как говорится, пили сладко. Мне как некурящему взамен табака полагалось дополнительно шестьсот граммов сахара в месяц. Выдавали его нерегулярно, но, когда я его получал, мы пили чай до тех пор, пока сахар не кончался, угощали всех, кто к нам заходил.

Офицерам был положен и дополнительный паек: сорок граммов сливочного масла, тридцать пять — рыбных консервов и пятьдесят — печенья. Кое-что можно было купить в передвижной лавке, но появлялась она как-то редко и неожиданно, поэтому юмористы прозвали этот военторг «ванькинторгом».

В нашей фронтовой жизни был день, приближение которого воспринималось с особым душевным настроем, — это Новый год. Что же касается наступающего 1945 года, он был особенным — мы верили, что этот год станет победным.

31 декабря, как по договору, с обеих сторон на передовой установилась тишина, только изредка раздавались отдельные выстрелы или пулеметные очереди. Но это не в счет. Видимо, и молох войны нуждался в передышке.

Хотя коллективные встречи Нового года были запрещены, все равно повсюду можно было видеть приметы предпраздничных хлопот, всем хотелось доставить себе хоть малую человеческую радость. Мы договорились организовать новогодний ужин в блиндаже капитана Кашина. В военторге отоварили последние талоны. Капитан Николай Барашниченко, помощник начальника политотдела, принес из пекарни белого хлеба. Я достал немного муки на оладьи. Мне ещё поручили добыть картошки. Отправился я в тылы 343-го полка, картошки раздобыл и, довольный, принёс её нашему Антону. Но увы, она оказалась промёрзшей и никуда не годной.

За полчаса до наступления Нового года мы начали «сервировать» праздничный стол. Афанасий выдал нам большой лист белой бумаги, который мы использовали как скатерть. Выставили все, что было: рыбные консервы, поджаренную на сковородке колбасу, масло, белый хлеб, оладьи. И конечно, флягу с питьем. Фронтовая лампа, патефон с латышскими пластинками украшали застолье.

Время приближалось к полуночи. Минут за пять до этого послышалась команда:

— Новогодний подарочек фашистам — огонь!

Это артиллеристы батарей 152-миллиметровых орудий, стоявших рядом с нашим КП, решили «поздравить» гитлеровцев. Наши повыскакивали из блиндажей и землянок. На небе россыпь звезд, ослепительные вспышки залпов высвечивают медные стволы высоких сосен.

Привычными движениями артиллеристы заряжали орудия и — очередной залп! На стороне противника слышались разрывы снарядов. Немцы не отвечали ни единым выстрелом. Вновь установилась тишина. От воздушной волны открылись двери блиндажей, потухли лампы. Когда мы снова зажгли свет, обе стрелки часов как раз сошлись на одной линии.

— Афоня, давай наливай, на свет божий лезет 1945-й год! — закричали мы с Барашниченко.

Из трофейной красной фляги Афанасий налил всем по сто граммов. Мы встали. У Кашина — зеленая эмалированная кружка, у Барашниченко — самодельная жестяная, у меня — фарфоровая чашка.

— Друзья, выпьем за нашу окончательную победу в 1945 году! Будем живы и здоровы! — пожелали мы друг другу.

Настроение было радостное, верилось, что война действительно близится к победному завершению. Я крутил патефон и ставил одну пластинку за другой. Потом достали песенник и начали петь все подряд. В третьем часу ночи нас зашли поздравить секретарь политотдела сержант Беяков и машинистка Зоя. Все вместе спели еще нашу любимую «На позицию девушка провожала бойца».

Под утро вышли наружу. Стояла тишина, лишь из некоторых блиндажей и землянок доносились нестройные голоса. Из узких жестяных труб медленно струился дымок. Крупными хлопьями падал снег, луна слабо желтела сквозь облачка. Настоящая

новогодняя ночь! Мы постояли, полюбовались этой сказочной красотой. Нам казалось, что войны нет, и вот он, мирный праздник! Так встретили мы тот незабываемый Новый год, последний военный, год нашей великой Победы.

Суровость военных будней выработала в человеке удивительную изобретательность, способность приспособливаться к любым условиям, находить выход в труднейших ситуациях, выживать. Это относится и к умению в экстремальных условиях соорудить себе крышу над головой, обогреться и подремать хоть самую малость.

Если дивизию на неделю выводили во второй эшелон, то на благоустройство давались, как правило, одни сутки. Я не раз поражался тому, как за эти сутки в заснеженном лесу возникал настоящий военный лагерь: блиндажи, землянки, палатки и шалаши. Шалаш сооружался из еловых веток, из них же делали и крышу, и постель. Посередине разводился костер, который почти никогда не гас, дым просачивался наружу. На ночь солдаты устраивались прямо на еловых ветках, постелив на них плащ-палатку. Если выпадала свободная минута, собирались в кружок вокруг костра, хотя иной раз от него было больше дыма, чем огня. Мне вспоминалась еще с детства слышанная фраза: «Солдат дымом греется и шилом бреется».

В любой обстановке солдат ухитрялся как-то устроиться: в траншее сделает перекрытие, разведет костер в воронке от крупнокалиберного снаряда, выроет себе нору и заберется в нее, как сурок. Самым тяжким испытанием на войне была сырая, промозглая погода: люди простужались, и тогда везде слышался надрывный кашель. Мороз переносился легче — можно было согреться, хотя бы попрыгав и потопав ногами.

Ну а когда никаких подручных средств не оказывалось, крышей нам служило морозное звездное небо. 15 февраля 1944 года поступил приказ о передислокации дивизии. Вечером тронулись в путь. На рассвете, часа в четыре прибыли на место назначения — в лес, недалеко от деревни Усадище. Повозка с нашей политотдельской палаткой где-то отстала, а до рассвета еще далеко. Мороз, ледяной ветер. Стали искать место, где можно притулиться и прикорнуть до утра. Нашли неглубокую яму, выгребли из неё снег, наломали еловых веток и выстлали дно ямы, расстелили плащ-палатку — и солдатское ложе готово! Два полушубка постелили, легли в гимнастерках, плотно прижавшись друг к другу, а остальными полушубками накрылись да еще набросили сверху плащ-палатку. И спали будь здоров! Правда, когда проснулись, обнаружили, что занесены толстым слоем снега, — ну да это нам было только на пользу, под снегом теплее.

Утром приехала подвода, мы натянули палатку, поставили разборную железную печку, затопили ее — и полный порядок! Кто бы из нас в мирное время мог подумать, что во вьюжный февраль можно спать на снегу, а обыкновенная парусиновая палатка способна стать таким желанным жильем?

Верхом комфорта на фронте считался блиндаж с тамбуром, с хорошей печкой и топчаном. В таком блиндаже можно было раздеться, разуться и лечь спать, вытянувшись во весь рост. Но такая возможность выпадала редко, и, наверное, поэтому мне не раз

приходила в голову мысль: «Если останусь жив, то после войны построю себе настоящий блиндаж — и больше мне ну просто ничего не надо!» Как все относительно в этой жизни!

Вспоминается мне такой случай. В октябре 1944 года я был на марше с ротой автоматчиков. Всю ночь мы прошагали и под утро очень устали. Устроили очередной привал. Заморосил дождь. После перекура роту построили, стали считать людей, и одного автоматчика не оказалось. Пересчитали еще раз — одного нет! Все пришли в недоумение: куда он мог деться? Обыскали кусты, кюветы — все напрасно. Как сквозь землю солдат провалился!

Рядом валялся обрубок фюзеляжа сбитого немецкого самолета, и никто не обратил на него внимания. И вот один солдат бросил взгляд на этот предмет и увидел в нем нашего героя. Солдат забрался туда, свернулся калачиком и успел уснуть сном праведника. Его разбудили, он вылез из своего убежища немного сконфуженный. А потом все подначивали его:

— Иван, ну ты и мастер маскироваться! На виду у всей роты спрятался — попробуй найди! Тебя надо в тыл к немцам послать, может быть, ты невидимкой и до самого Гитлера доберешься?

Да, изобретательность солдата была поразительной!

Война не только устроила человеку суровый экзамен на выживаемость, но и обогатила лексикон. Частым и очень желанным в употреблении стало слово «Ташкент» в значении «тепло». Развести костер, затопить печку, разжечь огонь в самодельном камине, то есть сделать тепло — все это обозначалось одним словом «Ташкент». Входя в землянку, весь промокший и продрогший, вползая в какой-нибудь собачник, ты в первую очередь спрашиваешь:

— Ташкент есть?

— Сейчас сделаем, давай залезай.

В предвкушении тепла и на душе у тебя становилось как-то уютнее.

Непреходящим фронтовым желанием было помыться в бане, но удавалось это, к сожалению, нечасто. Случалось и так, что тебя постигало разочарование, как это однажды произошло со мной.

21 марта 1944 года 10-я гвардейская армия сдала свою полосу переднего края 3-й ударной армии и мы получили недельную передышку. Дивизия наша расположилась в лесу недалеко от деревни Лукино, в восьми километрах от передовой. В течение двух дней в лесу возник целый лагерь. И баня приехала. Как говорил Василий Теркин,

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наши тело и душа.

23 марта, в свой день рождения, решил и я доставить себе такое удовольствие. Походная баня, развернутая в лесу, на берегу озера, состояла из двух вместительных парусиновых палаток и двух агрегатов. Один через шланг, опущенный в прорубь озера, забирал воду, нагревал ее и по второму шлангу подавал в импровизированную душевую. Другой агрегат — это дезокамера, или, на солдатском жаргоне, «вошебойка».

Пришли офицеры из 344-го полка, всего нас собралось человек тридцать. В предбаннике мы разделись, связали свое имущество в узлы, выбежали наружу и по снегу бегом к «вошебойке». Отдали бельё в пропарку — и стремглав в душевую. Посмотрели, а там на всю нашу голую ораву всего шесть рожков! И воды пока нет. Потом она вдруг

пошла, чуть теплая, и все мы устремились к этим вожделенным струйкам. Через несколько минут банщик объявил:

— Насос испортился, придется подождать.

Повернулся — и к выходу. Вслед ему полетели самые крепкие пожелания. Минут через десять вода всё-таки пошла — то слишком горячая, то ледяная. Снова появился банщик и сообщил, что норму воды мы израсходовали и помывка закончена. Кому повезло, тот успел смыть с себя мыльную пену, а я так и вовсе не успел даже намылиться.

Перебежали в предбанник, туда должны были принести наше «прожаренное» обмундирование. Однако получили мы его не сразу, потому что в дезокамере пока нагнали только 70 градусов, а нужно 90. Посреди предбанника стояла железная печка, сделанная из металлической бочки. Мы окружили ее, весельчаки начали рассказывать анекдоты, время от времени раздавались взрывы хохота.

Наше вынужденное веселье прервал вошедший санитар. В одной руке он держал котелок с какой-то жидкостью, а в другой — большой пучок серой ваты. Он предложил нам произвести личную дезинфекцию. Процедура прошла под общий хохот и соленые шутки.

Наконец принесли наше обмундирование, но и тут не все слава богу: кто не находил своей шинели, кто брюк или гимнастерки. На КП полка я возвратился только поздно вечером и все ругал себя: черт меня дернул связаться с этой баней! В общем, на сей раз ни тело, ни душа «банной ласки» не получили.

Пусть это не покажется читателю, особенно юному, странным, но на фронте приходилось вести войну на два фронта: против немца и против ещё одного врага — вшей.

И как только не изощрялись солдаты, придумывая способы истребления этой нечисти! На костре кипятили воду, в ведро кипятка высыпали, не жалея, махорки, окунали в это зелье белье, гимнастерку, брюки. Но даже после этого покоя хватало всего на пару дней, а потом опять все начиналось заново.

Или такая картинка. Солдаты греются на солнышке, ведут неспешный разговор и между делом выбирают из швов своих нательных рубаш непрошенных «гостей». Один решил ускорить процесс. Он взял в руки молоток и подошел к телеге. Расправил шов рубашки на железном ободе колеса и начал бить по шву. После каждого удара в рубце оставался липкий след. И припоминалась мне казачья поговорка: «Под каждым рубцом — хоть бей дубцом!»

Как-то в январе 1944 года мы приехали на передовую для проведения наших лекций. Спустился я в блиндаж командира роты и застал такую картину: вокруг железной печурки сидели несколько человек с обнаженными торсами — ну совсем как запорожцы в известной картине И. Е. Репина. Вылавливали ползучих тварей и бросали на раскаленную печку. При этом, если экземпляр попадался крупный, приговаривали: «О, «фердинанд!» Если помельче — «А это «тигр!» Остальную мелочь обзывали просто «фрицами». Подивился я не самой процедуре, она была мне знакома, а вот этим образным сравнениям: фашисты ассоциировались в нашем сознании с самой что ни на есть нечистью.

Каких только не было приказов по борьбе с паразитами, но до конца истребить их никому не удавалось. Мы шутили:

— Если по этому паразиту открыть огонь из всех пушек, какие есть на фронте, все равно до единого не перебьешь!

Но кто не испытал этого весьма немирного сожительства с вошью, тот еще не настоящий фронтовик. Хорошо это подмечено в «Василии Теркине», в главе «Два солдата», где старик спрашивает Теркина:

— А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.
И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин.
И сказал:
— Частично есть...
— Значит, есть? Тогда ты воин,
Рассуждать со мной достоин.

Большой тягостью для солдата являлось хроническое недосыпание, поэтому желание закрыть глаза и хотя бы на минуту забыться сном, было настолько велико, что человек засыпал на ходу. Когда я слушал рассказы старых солдат или читал в книгах о том, что конармейцы в Гражданскую засыпали сидя в седлах, я наивно думал: «Да как же они не вываливались из седла?» А теперь вот самому не раз пришлось испытать это на себе. При длительном ночном марше, особенно зимой, под утро тебя так клонило ко сну, что ты начинал дремать на ходу. И ничего — даже иногда какие-то сны снились! Надо было только взяться за что-нибудь — край повозки, ствол орудия или положить руку на плечо впереди идущего. Ноги шагают, а сам ты вроде отключаешься. Все идут, и ты идешь. Надо. Война.

Желание солдата выспаться порой было настолько велико, что он радовался даже ранению, потому что это позволяло осуществить эту мечту. Во время августовских боев 1944 года повстречал я одного знакомого сержанта. Шел он со стороны передовой, левая рука была перебинтована и подвязана поясным ремнем. Поравнявшись со мной, радостно воскликнул:

— Я ранен! Ну, теперь хоть дней десять отосплюсь в медсанбате!

А я подумал: «Действительно, день-два он будет спать беспробудно и, очнувшись, почувствует себя вновь народившимся».

Идеологический фронт

Точнее, это был фронт идеологической войны, и мне довелось служить на его переднем крае. Великая Отечественная была войной тотальной. В ней применялись не только самые современные виды боевой техники и вооружения, но и разнообразнейшие формы и методы психологического воздействия на бойца.

После Сталинграда наша морская бригада была переброшена на Калининский фронт. В середине февраля 1943-го три эшелона прибыли в район города Торопец. В политотделе бригады появилась новая должность — старший инструктор по пропаганде на войска противника. Командование и политотдел бригады предложили эту должность мне, я согласился и вскоре получил звание лейтенанта.

Принялся за новую работу с большим энтузиазмом. Из пополнения отобрал молодых солдат, комсомольцев со средним образованием, которые в школе изучали немецкий язык. Они тоже загорелись этим делом. В мастерской автороты изготовили нам рупоры. Это такая конусообразная жестяная труба с ручкой сбоку. Рупор длиной 65—70 сантиметров усиливал человеческий голос, который мог быть слышен на расстоянии примерно до 200—250 метров. На трофейной немецкой машинке я печатал небольшие тексты на немецком языке. Мы тренировались читать их вслух, отработывали нужное произношение. Солдаты прямо загорелись этим и мечтали начать передачи.

В конце апреля мы вышли на передний край. В местах, где нейтральная полоса между нами и противником достигала 100—150 метров, организовали своё «рупорное вещание». В середине мая 1943 года политуправление фронта провело семинар для политработников по пропаганде на войска противника. Меня тоже отправили на этот семинар. Приёмов и методов устной и печатной пропаганды к тому времени уже было наработано немало. Семинар дал мне очень многое. Возвращался я окрылённым: понял, что на врага можно действовать и словом, ослабляя его боевой дух. Это было очень важно и позволяло пропагандистам вносить свой вклад в победу.

Я решил как можно быстрее поговорить с фрицами. 28 мая на участке 3-го стрелкового батальона состоялся сеанс такого вещания. Помню, надел я каску, в бруствере сделал небольшую выемку, положил свой рупор, направив его в сторону немцев, и стал читать заранее подготовленный текст.

— Achtung, Achtung, deutsche Soldaten, hort mai die letzten Frontnachrichten.

Дальше я им сообщил о поражении немецких войск в Северной Африке, о союзниках: «На нашем фронте временное затишье. А вот наши союзники англичане разгромили фашистов в Северной Африке, немецкие и итальянские войска и заняли города Бизерту и Тунис. Захватили также большое количество пленных, в том числе офицеров и генералов». И чувствую, что концовка-то у меня не получается. Тогда буквально экспромтом завершил:

— Wer hat diesen Krieg entfesselt? Hitler!

Они хором:

— Stalin!

Я громче:

— Hitler!

Они опять:

— Stalin!

Нет, похоже, ребята не понимают! И тут с нашей стороны открылся шквальный огонь, продолжавшийся минут пятнадцать.

В конце июня мы получили обещанную нам окопную звуковещательную станцию (ОЗС). Она была компактная и транспортабельная, весила примерно 100 килограммов. Её

могли переносить трое бойцов. К станции прилагался динамик, который усиливал голос до 500 метров. Была у нас возможность давать и музыкальное сопровождение.

Теперь я уже мог устраиваться где-нибудь в укромном месте, в землянке, блиндаже или траншее. Брал клавишный микрофон, говорил в него, а динамик усиливал мой голос. Когда я впервые стал появляться с этой ОЗС, солдаты встречали меня с опаской, говорили:

— Как немец шарахнет по этой трубе, и будет нам гроб с музыкой!

Но эти опасения вскоре прошли, а обстановка на фронтах всё больше заставляла немецких солдат прислушиваться к голосу из рупора.

В июле ко мне прикомандировали одного немецкого антифашиста. Это был солдат, который сдался в плен где-то под Демянском. Он прошёл специальные курсы и стал нашим диктором. Теперь уже тексты передач читал не я, а немец, без акцента, что было более убедительным. Этого антифашиста звали Карл Шмидт.

Ожидалось огромное событие на советско-германском фронте — генеральное сражение на Курской дуге. В начале июля 1943 года немцы перешли в наступление — они планировали разгромить советские войска и тем самым взять реванш за свое поражение под Сталинградом. Фашисты сосредоточили огромные силы, новые танки — «тигры», «пантеры». Начались упорные кровопролитные бои, но враги не смогли прорвать глубоко эшелонированную и хорошо организованную оборону наших войск. Наконец они были обескровлены, и Красная Армия, перейдя в контр наступление, стала их громить по всему фронту. 5 августа были освобождены Орел и Белгород.

Войска Красной Армии развернули мощное наступление на левобережной Украине. Были освобождены Харьков, Полтава, Таганрог, Кременчуг, потом советские части форсировали Днепр и уже 6 ноября 1943 года освободили Киев. Это был блестящий успех! И естественно, эти радостные и долгожданные известия дали нам новый материал для идеологической работы. Конечно, солдаты противника должны были знать об этих событиях на фронте, чтобы понимать дальнейшую перспективу войны и избегать напрасных кровопролитий. Не пересказать, как были мы рады этим успехам наших боевых товарищей!

Естественно, в устной пропаганде мы говорили и об успешных операциях союзников. Помню, 9 сентября 1943 года по заданию начальника политотдела я работал в 1-м и 2-м батальонах. За один день мы с Карлом несколько раз побывали под огнем противника. Из вечернего выпуска последних известий узнали о капитуляции Италии — главного союзника фашистской Германии. Я загорелся: надо немедленно использовать этот материал! Сел, быстро составил программу передачи. Сказал Карлу, что мы снова идем на передовую. И хотя мы чертовски устали, пошли во 2-й батальон, где оставалась наша звуковещательная станция. Комбат удивился нашему приходу, но я не мог сдерживать радости:

— Италия вышла из войны! Капитулировала! Надо же немцам об этом сообщить!

Он посмотрел на меня:

— Неугомонный ты, Пал Палыч!

— Ну а как же, такая новость!

Мы быстро реагировали на события, происходившие на фронтах. Занимались и печатной пропагандой, распространяли листовки. В этом помогали наши разведчики, когда уходили на задание в расположение противника. Использовали мы и специальные «агитмины», которыми выстреливали из 82-мм миномета.

В начале октября 1943 года из двух морских гвардейских бригад была сформирована 119-я гвардейская стрелковая дивизия. Я перешел на службу в политотдел этой дивизии, вошедшей в состав 3-й ударной армии генерала Галицкого. Армия вела боевые действия северо-западнее города Невеля. Мы принимали активное участие в этих боях в ноябре.

Заняли шоссе Невель — Ленинград в районе села Большое Таланкино и двух озер — Удо и Ущо. Нам довелось воевать против 69-й и 293-й немецких пехотных дивизий.

Помню такие факты: уже началась зима, и во время очередной передачи я как-то экспромтом сказал немцам:

— Deutsche Soldaten und Ofizier! Es ist schon der dritte russische Winter angebrochen und es ist schon furchtbar kalt geworden, nicht wahr? (Ну что ж, началась третья русская зима. Стало чертовски холодно, не правда ли?)

Напомнил, какие жуткие морозы они пережили под Москвой в 1941 году, потом пронизывающий до костей степной ветер под Сталинградом, а теперь вот третья русская зима! Вывод был примерно такой:

— Ничего вам не светит. Сдавайтесь в плен. Это будет лучший для вас выход!

Иной раз я сочинял передачи буквально экспромтом. В качестве связиста ко мне был прикомандирован солдат Кирилл Терехов. Он заряжал аккумуляторы и следил за исправностью звуковещательной станции. Помню, в перерыве одной передачи мы вышли из землянки. И вдруг увидели, что на том берегу озера, недалеко, метрах в двухстах, горел дом. Его подожгли немцы. Стропила уже рухнули, и мириады искр взметнулись в небо. Кирилл в сердцах сказал:

— Твою мать, обложить бы их фатерланд со всех сторон и поджечь. Хотел бы я посмотреть, как они забегают!

Я ничего не ответил. Молча возвратился в землянку, включил аппаратуру, взял микрофон:

— Deutsch Soldaten, ihr steckt in Brand unsere Hauser und ganze Dorfer, aber der Walze des Krieges rollt sich nach Westen, er errecht Deutschland und da sind euere Hauser und Dorfer — denkt daran! (Немецкие солдаты, вы предаете огню наши дома и целые деревни, но огненный вал войны катится на запад, он достигнет Германии, а там ваши дома и деревни. Подумайте об этом!)

В начале декабря 1943 года в газетах было опубликовано сообщение о том, что в Тегеране состоялась конференция глав правительств: Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Эта историческая встреча свидетельствовала о дальнейшем укреплении антигитлеровской коалиции. Фашисты же всё время пропагандировали, что коалиция вот-вот развалится. В опубликованной декларации говорилось: «Никакая сила в мире не помешает нам и дальше наносить сокрушительные удары по германской армии на суше, на море и по германским военным заводам. Наше наступление и дальше будет сокрушительным и уничтожающим». Вскоре мы получили тексты этих документов, и до конца декабря на разных участках фронта я передавал их содержание немецким солдатам. Думаю, что после этого у них было немало поводов для мрачных размышлений.

Расскажу еще об одном интересном факте. 29 декабря 1943 года в отделении по пропаганде на войска противника политотдела 3-й ударной армии состоялось совещание. Отделение возглавлял симпатичный и очень образованный майор Г. Н. Михеев. До начала совещания у меня оставалось еще часа два, и я попросил разрешения поговорить с пленным немецким офицером. Войдя в крестьянскую избу с большой русской печкой, увидел сидевшего у окна немца. На его кителе была нашивка — железный крест. Невысокого роста блондин с голубыми глазами — в общем, типичный ариец лет двадцати пяти. Держался он свободно и в разговор со мной вступил охотно. Рассказал, что командовал батальоном в 68-м пехотном полку 23-й немецкой пехотной дивизии. Был пленен во время боев в районе деревни Турки-Перевоз.

Я поинтересовался, кто его родители, откуда он, каково его самочувствие. Заметил, что он то и дело посматривает на мой гвардейский знак и медаль «За оборону Сталинграда».

Наконец, извинившись, он спросил, что это за знаки. Я сказал, что был участником Сталинградской битвы от начала и до конца, что мне хорошо известно всё происходившее там: как немецкие войска были окружены и загнаны в сталинградский «котёл», как командование 6-й немецкой армии сначала отклонило наш ультиматум и как потом эта армия была разгромлена, а остатки ее взяты в плен. Для него не-ожиданностью явились цифры: 91 тысяча пленных, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Рассказал ему и несколько конкретных трагических историй, связанных с судьбами его соотечественников. Вопросов он не задавал, но слушал внимательно.

Я вспомнил, что у меня в полевой сумке лежит текст того ультиматума, который мы распространяли на Сталинградском фронте в виде листовки. Достал эту листовку и положил перед немцем. Тот буквально впился глазами в текст. Прочитал, коротко поблагодарил.

Я попрощался и вышел из избы. Позднее узнал, что с этим пленным немцем вёл беседы представитель Национального комитета «Свободная Германия», убеждал его написать личное письмо командиру 68-го пехотного полка. После раздумий и колебаний он согласился написать такое письмо. В нем изложил свое мнение о бесполезности продолжения войны, рассказал о гуманном отношении к пленным солдатам рейха и советовал своим однополчанам сдаваться и тем самым получить возможность после войны вернуться домой. Это письмо-обращение немецкого офицера было оперативно издано отдельной листовкой и распространено в первую очередь на участке 23-й немецкой пехотной дивизии. Помню, звали этого немца Ганс Шведе.

На ночлег меня пригласил старший инструктор седьмого отделения капитан М. Д. Шишкин. В этой же избе находился и немец. Хозяйка дома угостила нас квашеной капустой. Сели мы с капитаном за стол и пригласили пленного, он охотно согласился. Сидим втроем и с аппетитом уплетаем капусту. Капитан Шишкин в шутку по-немецки и говорит:

— Ну вот вам и союз русских и немецких офицеров вокруг миски с квашеной капустой! Все дружно рассмеялись.

Хочется верить, что, находясь в нашем плену, этот немецкий офицер, как и многие другие, прозрел, освободился от груза нацистских идей.

Наступил 1944 год — год мощных и блестящих наступательных операций Красной Армии. Год массового изгнания гитлеровских оккупантов с нашей земли. В январе была полностью снята блокада Ленинграда. Вскоре, 26 марта, наши войска вышли на государственную границу по реке Прут. А в летней наступательной операции была разгромлена группа армий «Центр». Ошеломляющие события происходили одно за другим. В этих условиях наша пропаганда — печатная и устная — имела богатейший материал. Сами события на фронтах убеждали немцев в том, что их поражение неизбежно.

Но гитлеровское командование рисовало страшные картины. Дескать, если вы попадете в плен, вас отправят в Сибирь, где метровые снега и 50-градусные морозы. Там могут выживать только широкоскулые, косоглазые азиаты, которые на шкурах рождаются и на шкурах умирают. Они не ведают ни милосердия, ни сострадания, называют себя самоедами — значит, едят людей! Так что лучше умереть на фронте, чем попасть в этот плен! Мы старались открыть немецким солдатам глаза, рассказывали правду о том, что их ждёт, если они сдадутся добровольно. От имени советского командования мы гарантировали им сохранение жизни, работу, а в дальнейшем возвращение на родину.

Наш 2-й Прибалтийский фронт начал наступательные операции 12 июля 1944 года. Мы освободили последнюю пядь псковской земли, вступили на территорию Латвии, которую

тоже освободили от фашистов. Там было много пленных: словенцы, эльзасцы, хорваты, представители многих-многих других национальностей. Все чаще стали переходить на нашу сторону поляки. Мы их часто привлекали к идеологической работе. Они выступали перед микрофоном, начиная обычно так:

— Увага-увага, поляцы!

Стало возрастать и количество перебежчиков из немцев. Помню, в октябре 1944 года около Риги сдались в плен унтер-офицер, ефрейтор и немецкий солдат. Они были из 535-го пехотного полка 205-й пехотной дивизии. Унтер-офицер и ефрейтор согласились выступить перед микрофоном с обращением к своим. Мы это немедленно использовали. Перешел на нашу сторону и еще один солдат, звали его Вернер. Они с товарищем договорились сдаться, но товарища накануне убило, а он все-таки решился перейти один.

В июле 1944 года 56 тысяч пленных немцев, в их числе генералы, офицеры, рядовой состав, взятые в плен при разгроме группы армий «Центр», были проведены по Садовому кольцу в Москве. Они прекрасно понимали, что этим мы хотим сказать:

— Вы мечтали маршем пройти по Красной площади, считайте, что ваша мечта сбылась. Только это не марш победы, а марш поражения и унижения. Вот чего вы добились, поверив вашему бесноватому фюреру.

6 июня 1944 года, пусть и с большим запозданием, наши союзники наконец открыли второй фронт. Высадили огромную армию в Северной Франции, и, таким образом, второй фронт стал фактом. В 1944 году капитулировала Румыния — союзница фашистской Германии, и не только капитулировала, а еще объявила войну Германии. Капитулировала Финляндия. 20 июля было совершено покушение на Гитлера. Стало понятно, что уже сами немецкие генералы разуверились в победе вермахта и пытались найти какой-то выход.

Материала для нашей пропаганды на войска противника было предостаточно. Я работал напряженно, но с увлечением. Почти каждый день поступали все новые пленные. Из них я отбирал тех, кто соглашался выступить перед микрофоном, помогал им написать обращение. Кроме Кирилла со мной работали тогда ещё два убеждённых антифашиста — Фридрих и Лоттер. С заходом солнца мы грузили нашу звуковещательную станцию на телегу и отправлялись на передний край. Случалось, блуждали в темноте, наконец приезжали в роту, устраивались для работы. Нередко, глядя на всю эту команду, офицеры меня спрашивали:

— Пал Палыч, и ты не боишься ночью ходить с пленными на передовую?

Я как-то не боялся. Бывало и так, что после нашей передачи немцы переставали пускать осветительные ракеты и устанавливалась подозрительная тишина. Командир посылал разведчиков, те приходили и докладывали, что немцы уже оставили свои траншеи и отступили на очередной рубеж. Я шутил:

— Ну вот, видите, весь день вы их колошматили, но не смогли сбить с рубежа, а я пришел, с ними поговорил — они и убежали.

Дорогой читатель, стоит отдельно рассказать о моем помощнике — немецком антифашисте Вилли Рушкевице. Он был прикомандирован ко мне в январе 1944 года и пробыл до лета. Из всех немецких помощников, добровольно согласившихся участвовать в нашей пропаганде, он отличался инициативой и искренней убежденностью в том, что мы говорили. Среднего роста, землистого цвета лицо, густые жесткие волосы, пристальный взгляд серых глаз, немногословный и всегда сосредоточенный — Вилли производил впечатление серьезного, много повидавшего в жизни человека. Таким он и был на самом деле. К работе относился с душой и очень негодовал, когда немцы открывали огонь в ответ на наши агитпередачи.

Это был интересный человек и убежденный антифашист, из тех, кто попал на Восточный фронт не по своей воле. Родился он в 1912 году в городе Иена в семье

рабочего. После окончания школы пошел работать, получил профессию пекаря и кондитера. Впоследствии испытал в жизни многое. Не раз случались стычки со штурмовиками, в одной драке он избил эсэсовца. Гитлеровцы не простили ему этого: в 1940 году призвали в армию, хотя ранее он был признан негодным к военной службе.

22 июня 1941 года в 6 часов утра часть, в которой служил Рушкевиц, была построена на плацу военного городка. Им прочитали приказ о начале войны Германии против СССР. После зачитания приказа Вилли сказал своему соседу:

— Это начало конца.

Нашелся стукач, который донес на Вилли, и вскоре он предстал перед военным судом. Суд вынес приговор: за распространение пораженческих настроений солдата Вилли Рушкевица приговорить к пяти годам заключения в концентрационном лагере. Шесть месяцев провел он в лагере Дахау, потом его включили в 999-й штрафной батальон и отправили в Югославию. В личном деле была сделана пометка: «Остальные четыре года и шесть месяцев наказания отбыть после войны».

В мае 1943 года штрафной батальон перебросили на Восточный фронт, в район Гжатска. У Вилли были два товарища, тоже антифашисты, которые не собирались воевать за Гитлера. Все годы боёв на советской территории они вынашивали мысль перейти на сторону Красной Армии. Наконец такой случай им представился. В ночь на 3 июля 1943 года штрафников направили на минирование какого-то объекта.

— Время минирования истекло, — рассказывал Вилли. — Нам передали приказ унтер-офицера заканчивать работу. Мы шепотом переговариваемся: «Рискнем, когда еще будет такой случай?» Работавшие справа и слева уже уходили в тыл, а мы сделали вид, что устанавливаем последнюю мину... Когда остальные удалились, мы, пользуясь сумерками, побежали в сторону ваших. Все получилось.

Нас допрашивал советский майор. Когда меня спросили, желаю ли я выступить с обращением к нашим, я дал согласие. В ночь на 4 июля я выступил с таким обращением, и в следующую ночь линию фронта перебежали еще шесть человек из штрафного батальона. Так началась моя пропагандистская работа на стороне Красной Армии.

28 февраля 1944 года мы проводили передачу из только что освобождённого городка Пустошка. Устроились в какой-то яме, накрывшись плащ-палаткой. Перед нами стояли части 32-й немецкой пехотной дивизии. Вилли начал читать текст. Сначала фрицы слушали, но потом открыли стрельбу. В ответ Вилли в микрофон выругался по-русски, а потом по-немецки добавил:

— Ни минами, ни снарядами вы не заставите меня прекратить говорить правду! А завтра мы поговорим с вами на другом языке!

В глазах его загорелась злость, он сжал кулаки, как будто хотел достать какого-нибудь фашиста и стукнуть его по башке.

Я брал его с собой на беседы с пленными. Он начинал разговор, стремясь растолковать своим соотечественникам, как обстоят дела на фронте на самом деле. Они же с нескрываемым любопытством смотрели на своего соотечественника, одетого в красноармейскую шинель, шапку-ушанку, и выслушивали его политбеседу на тюрингском диалекте.

Правда, бывали и другие ситуации. Как-то привели группу пленных, среди них оказался один унтер-офицер. Вилли начал разговор с ним, но тот высокомерно ответил:

— С предателем родины я не хочу иметь дело!

Тут Вилли ему выдал:

— Ах ты, швайнхунде, сволочь! Это Гитлер и такие фашисты, как ты, — предатели Германии! Кто развязал эту захватническую войну? Кому нужна эта бойня? Мне, им? —

Он указал на пленных. — Сомнений уже нет, что вышвырнут немецко-фашистские армии из всех оккупированных стран! Кто ответит за гибель немецких солдат, за искалеченных? Вы будете отвечать! Это вы перед войной горланили: «Сегодня нам принадлежит вся Германия, а завтра — весь мир!» А теперь вы Германию покрыли позором перед всем миром!

Находившиеся рядом пленные внимательно наблюдали за этой сценой и, кажется, начинали принимать сторону Вилли. Похоже, они не думали, не гадали, что попадут в плен, встретят своего соотечественника, гневно обличающего войну, которую они и сами проклинали уже не раз. Вилли с презрением смерил взглядом унтер-офицера, повернулся и ушел в блиндаж. А потом весь день был мрачен. Мне казалось, что он стыдится перед нами за немцев, как будто лично он, Вилли, несет ответственность и за эту войну, и за колоссальные жертвы, и за весь этот исторический парадокс, именуемый фашизмом.

Вилли пробыл у меня до июня 1944 года. Он стал уполномоченным Национального комитета «Свободная Германия».

После разгрома гитлеровской Германии Вилли Рушкевиц в числе первых возвратился на родину. В родной город Иену он прибыл в августе 1945 года и принял активное участие в создании народной полиции, в которой прослужил одиннадцать лет.

С Вилли я встречался после войны дважды: в 1947 году, когда служил в Советской военной администрации земли Тюрингия, и в 1980 году при посещении ГДР по случаю 35-летия освобождения немецкого народа от фашизма.

Я уже упоминал, что устные передачи на немцев мы проводили с музыкальным сопровождением. Очень часто я ставил пластинки с песнями из цикла «Прекрасная мельничиха» Шуберта или «Колыбельную» Моцарта. Песни, конечно, исполнялись на немецком языке. Я и сам слушал эти чудесные мелодии и думал: «Неужели душа немецкого солдата настолько задубела, что не способна отозваться на музыку?» Обычно в такие моменты по всей линии фронта наступала тишина, и это давало надежду, что в душах даже отъявленных фашистов ещё теплится что-то человеческое. Сейчас, уже спустя несколько десятилетий, когда я слышу песни из «Прекрасной мельничихи» Шуберта, мысленно переношусь в те времена, в нашу фронтовую действительность.

Наступил 1945 год. Как уже говорилось, в начале февраля в Ялте состоялась Крымская конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля. 14 февраля в газетах были опубликованы материалы этой международной встречи. Справедливости ради, напомним: Сталин еще в феврале 1942 года высказал мысль о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ Германии остается». В течение целой недели я проводил передачи по документам Ялтинской конференции. Это была моя завершающая работа на идеологическом фронте, потому что в марте нашу дивизию вывели во второй эшелон. День Победы я встретил уже в Москве.

Разведчики

Моя служба в годы войны складывалась так, что постоянно приходилось иметь дело с разведчиками. Ещё в начале августа 1942 года меня приняли в бригаду отделения разведки военным переводчиком. А после Сталинграда, когда я стал политработником по пропаганде, мои тесные связи с разведчиками продолжились. В нашей морской бригаде была рота разведки. Ею командовал флотский офицер, лейтенант Константин Сысоенко. В разведку брали далеко не всех, а только самых смысленых, физически крепких, с высоким патриотическим духом. Задача разведки состояла в сборе данных о противнике. Но главным источником этой информации оставался, безусловно, «язык». Добыть пленного немца или румына, например, в открытой сталинградской степи, среди заминированной и протянутой в несколько рядов колючей проволоки, было непросто.

Помню, первого «языка» притащили в октябре 1942 года. Это было где-то на юге Сталинграда. К сожалению, тогда мы не смогли получить показания у этого пленного. Он был тяжело ранен и умер у нас на КП. Мы воспользовались только данными его солдатской книжки. Другой случай оказался более удачным. Это произошло в ночь с 11 на 12 декабря 1942 года. Немцы уже сидели в «котле». Разведчики долго наблюдали за их поведением, выискивали уязвимое место в обороне. Наконец им удалось, не потеряв ни одного своего бойца, захватить «языка».

Я находился в Бекетовке, в блиндаже. В первом часу ночи вошел начальник отделения разведки капитан Александр Николаевич Туровец, за ним следовали пленный немец и старший матрос Виктор Брикус. Я встревожился: справлюсь ли с переводом. Стал переводить вопросы Александра Николаевича и ответы немца. Сначала волновался, потом успокоился. Пленный оказался рядовым 297-й немецкой пехотной дивизии, и у него удалось выяснить весьма важные сведения. Составили протокол. Когда закончили, Александр Николаевич хлопнул меня по плечу и сказал: «Ну, Павел, спасибо!» У меня словно камень свалился с души, это был мой первый опыт переводческой работы. Разведчиков представили к награждению медалями «За отвагу».

В январе 1943 года, когда дело шло к полному разгрому окруженных в Сталинграде немцев, пленных было очень много. Работы у меня прибавилось. Несколько раз я бывал у разведчиков и помню, настроение у них было боевое, как и у всех.

После Сталинграда, как вы уже знаете, нашу бригаду перебросили на северо-запад. И все лето 1943 года мы были в обороне на реке Ловать. А в начале октября 1943 года из двух гвардейских морских бригад была сформирована 119-я гвардейская стрелковая дивизия, которая вошла в состав 3-й ударной армии генерала Галицкого. Меня перевели в политотдел. Уже шли бои северо-западнее Невеля. Разведчики, как всегда, были на высоте.

Разведротой командовал капитан Иванов. До войны у него была самая мирная профессия — директор дома отдыха в Алма-Ате. Командиром первого взвода этой роты был украинец лейтенант Петр Толпека, отважный, физически крепкий, волевой, сообразительный. На участке нашей дивизии находилось большое озеро Удо, один берег которого был в наших руках, на другом же находились немцы. Задание доставить контрольного «языка» поручили Петру Толпеке. Ближе к немецкой стороне просматривался небольшой островок. Опыт разведчика подсказал ему, что там может находиться боевое охранение немцев. Всё происходило в последних числах ноября 1943 года. Разведрота располагалась в доме бывшего владельца водяной мельницы. Нашли четыре лодки, на которых взвод Толпеки должен был отправиться в сторону острова. Провожали их капитан Иванов, военный переводчик старший лейтенант Василий Дранков и я. Передали им пачку листовок. Наконец в ночной мгле они бесшумно отчалили. Мы остались ждать. Казалось, это ожидание было бесконечным. Несколько часов мы пребывали в тревоге. И вдруг откуда-то издали послышалось:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

Голоса становились все явственнее. Наконец в тумане показались очертания лодок. Они подошли к берегу. Толпека доложил командиру роты, что задание выполнено: они доставили двух немцев. С нашей стороны потерь не было. Рассказал, как проходила операция. Они тихо высадились на острове. Осмотрелись, насколько это было возможно в

темноте, нашли едва заметную тропку и устроили засаду. Послышались шаги — по дорожке шли три немца. Они открыли огонь. Одного убили, а двоих раненых погрузили в лодки. Немцы ответить не успели, видимо, приняв стрельбу за случайные выстрелы.

На следующее утро мы с Василием Дранковым пришли в расположение разведроты для опроса этих немцев. Ими оказались ефрейтор и солдат из 290-й пехотной немецкой дивизии. Мы выспросили все, что нас интересовало. Разведчики были в хорошем настроении, завтракали, отдыхали. Толпека лежал на куче соломы, довольный. Я посмотрел на него и подумал: «Действительно смахивает на Степана Разина на своем струге». И надо сказать, разведчики нашей дивизии только в декабре 1943 года в общей сложности притащили тринадцать «языков».

Приведу еще один пример необыкновенной храбрости Петра Толпеки. Шел 1944 год. Мы уже воевали в Латвии. Утром 29 августа поступило тревожное сообщение от командира нашего 344-го стрелкового полка подполковника Комарова. Он доложил, что неожиданно перед его НП появились немецкие танки и пехота. Попросил открыть артиллерийский огонь по расположению НП, с тем чтобы отбиться от этих непрошенных «гостей». Ситуация сложилась опасная, медлить было нельзя. На НП дивизии прибыл командир 7-го стрелкового корпуса генерал Кулешов. По его приказу вызвали танкистов-самокатчиков и, конечно, нашу разведроту. НП дивизии располагался в соседнем хуторе. Мы с Дранковым тоже оказались здесь. Немцы уже вышли на опушку леса и стали обстреливать НП дивизии. Снаряды рвались тут и там. Окрестности хутора были изрыты траншеями, я оказался в одной из них рядом с Толпекой. Он сделал пару глотков из фляжки. Его лицо было пунцовым, глаза воспалены — предельное нервное напряжение. Вдруг поступила команда разведчикам быть готовыми к отражению танковой атаки. Толпека зычно скомандовал: «Противотанковые гранаты к бою!» Он первым выскочил из траншеи, разведчики последовали за ним. Немцы, видимо, не ожидали такого отпора. К вечеру все атаки противника были отбиты. Разведчики наравне со всеми приняли участие в этом бою. Более того, они еще захватили двоих пленных.

Петр Толпека, настоящий боевой разведчик, был несколько раз ранен, но остался жив и по окончании войны вернулся к себе на родину.

Увы, боевой путь разведчиков сопровождался не только успехами и победами. Чаще всего их операции не проходили без потерь и раненых. Они очень переживали гибель своих товарищей. Состав разведрот постоянно обновлялся. Трудно даже припомнить, сколько разведчиков сменилось за годы войны на моих глазах!

Был у нас и такой случай. Шел ноябрь 1944 года. Войска 2-го Прибалтийского фронта, в который входила 10-я гвардейская армия, и в частности наша 119-я гвардейская стрелковая дивизия, вели бои на территории Латвии. Там, на Курляндском полуострове, были зажаты в кольцо 32 немецкие дивизии. Стояла отвратительная прибалтийская погода — холод, туман, дождь. Нам позарез был нужен контрольный «язык». Командир нашей дивизии собрал старых разведчиков, коммунистов и поставил задачу: провести разведку боем. И непременно доставить «языка».

Разведка боем — это вот что. Избирается объект нападения. Все тщательно проверяется, подготавливается. Потом внезапно, это может быть и днем, открывается мощный артиллерийский минометный огонь по этому объекту. Затем огонь переносится дальше, и весь объект берется в огневые «клещи». В этот момент разведчики, врываясь в траншеи противника, должны успеть захватить пленного.

Накануне по заданию начальника политотдела дивизии я побывал в разведроте. Поговорил с парторгом, опытным разведчиком Бурдиным. Он сказал как-то просто, обыденно, без всякого пафоса:

— Или выполним задание, или погибнем.

Разведка боем была предпринята. После артналета группа захвата бросилась вперед, но, к великому сожалению, не все огневые точки противника были подавлены. Немцы все-таки спохватились и открыли ответный огонь. Нашим разведчикам не удалось выполнить поставленную задачу. В результате трое погибли, шестеро были ранены. Погиб и парторг Бурдин. Он оказался впереди всех, буквально в трех шагах от немецкой траншеи...

В каждом стрелковом полку дивизии был взвод разведки. С этими полковыми разведчиками мне тоже доводилось встречаться. Когда надо было, я всегда им помогал. Дело было на том же Курляндском полуострове. В ночь на 26 января взвод разведчиков 341-го полка готовился к выполнению боевого задания. Я находился неподалёку, в соседнем полку, готовился к передаче. В штабе мне рассказали, что накануне на нейтральной полосе разведчики обнаружили своего рода лежбище. Там было немецкое одеяло, наша плащ-палатка и телефонный провод, который вел в сторону немцев. Разведчики оценили: значит, вполне возможно, ночью немцы выставляют сюда передовой пост. Приходит немец с телефонным аппаратом, подключает его, наблюдает и информацию передает по телефону.

Они решили заранее недалеко от этого места устроить засаду и захватить немецкого связиста. Рассчитали правильно: когда наступила темнота, он пришел и стал устраиваться на подготовленном месте. Фашист не ожидал нападения, и захватить его нашим разведчикам не составило труда. Командир батальона вызвал меня для допроса «языка». Офицеры находились в подвале. Я приподнял плащ-палатку, оттуда пахло теплым воздухом. Мои очки запотели. Все, кто находился там, увидя меня, в один голос закричали:

— Пал Палыч, скорей иди, а то немец дуба даст!

Я спустился по ступенькам. Там были и командир полка, начальник штаба, замполит полка. Смотрю, на табуретке сидит здоровенный немец лет сорока, лысый, руки перевязаны. У меня мелькнула мысль: значит, дело дошло до финки. Я взял его солдатскую книжку: 315-я немецкая пехотная дивизия. Знакомое соединение, приходилось бывать в боях с этой дивизией. Стали опрашивать, и вдруг немцу стало худо, голова повисла. Дали ему передышку. Может быть, пленный и притворялся, обдумывал, стоит ли отвечать на вопросы. И всё же удалось добыть от него какие-то сведения. Это был последний случай, когда я оказал содействие нашим разведчикам в качестве переводчика. Да, вклад разведчиков в дело нашей победы трудно переоценить. Это люди особой храбрости, патриоты, и многие из них погибли при выполнении заданий.

Партизан Лёвка

Я уже рассказывал, что в ноябре-декабре 1943 года мы воевали северо-западнее Невеля в районе двух больших озер, Удо и Ушо. Край этот был партизанский. Когда мы освободили его, некоторые отряды были расформированы, а сами партизаны возвратились к своим мирным делам. Помню, из одного такого отряда к нам прикомандировали подростка. Звали его Лёвкой. Видимо, родители его погибли, таких мальчишек тогда было много, и нередко их распределяли по воинским частям. Почти в каждом подразделении был свой сын полка. У нас его передали в роту разведки. Лёвка был такой тощий, решили определить его к полевой кухне — пусть там немножко подкормится. При кухне он заготавливал дровишки, в печке шуровал, картошку чистил, когда она была. Дней десять там побыл, отъелся. Но вскоре затосковал. Он ведь был партизаном, хоть и маленьким, но заправским бойцом: владел автоматом, карабином, умел подкладывать взрывчатку под рельсы. А тут — кухня, дрова, картошка!

И вот как-то командир дивизии генерал Шифаренко поставил перед нашими разведчиками задачу: достать контрольного «языка». Был уже декабрь, лед стал на озере. В одном месте был узкий заливчик — с одной стороны немцы, с другой наши. Разведчики стали обсуждать, как выполнить задание. Возникло предложение добраться до немцев по льду. Но лед был еще недостаточно крепок, прогибался, трещал. И вдруг молчавший Лёвка подал голос:

— А вы возьмите меня.

— А если ты провалишься?

— Так привяжите меня веревкой за ногу и держите другой конец верёвки. Если начну тонуть, вы меня вытащите.

— А что, это идея!

Стали ещё раз проверять: лед действительно был слабый, но, может быть, выдержит вес мальчишки. В общем, решили воспользоваться предложением Лёвки. Дождались ночи. Его веревкой привязали за ногу и с берега, пригибаясь, пошли в сторону немцев. Лёвка впереди. С середины озера лед затрещал. Лёвка лег на живот, стал продвигаться по-пластунски. Немцы это место ракетами почти не освещали: скорее всего, думали, что русские разведчики не рискнут двинуться по неокрепшему льду. Если изредка появлялась осветительная ракета — замирали. Ракета гасла — они снова ползли, приближались шаг за шагом. И наконец достигли противоположного берега, забросали немецкие траншеи гранатами, схватили «языка». Командир дивизии оценил Лёвкину изобретательность, ему было присвоено воинское звание сержанта.

Лёвка попросился, чтобы его взяли и на следующую операцию. При выполнении боевого задания разведчики делятся на группу захвата и группу прикрытия. Они приблизились к переднему краю, бесстрашный Лёвка первым оказался в немецкой траншее и буквально свалился на голову не ожидавшему нападения фрицу. Тот был ошарашен. Подоспели разведчики, на этот раз тоже притащили «языка». Среди других и Лёвка был удостоен награды.

Время шло. В штабе дивизии стали подумывать, как же дальше помочь юному разведчику, устроить его судьбу. Конечно, самый лучший вариант — отправить его в Суворовское училище. Сшили ему по его росту гимнастерку, брюки, сапожки, обули, одели чин-чинарем, снабдили документами. Это уже был 1944 год. Отправили его в Суворовское училище. И вот недели через две неожиданно он снова появился в нашей дивизии, оборванный, исхудавший. Мы не стали допытываться, что с ним случилось, где он был. А Лёвка категорически заявил:

— Не отправляйте меня больше ни в какое училище, я хочу фашистов бить! Вот кончится война, тогда и буду учиться.

Так он и остался в дивизии и дослужил до конца войны.

После войны на встречах ветеранов дивизии мы часто вспоминали Лёвку — партизана, разведчика, тринадцатилетнего воина.

Старые солдаты

Так уж совпало, что моя первая встреча со старыми русскими солдатами произошла 22 июня 1941 года, в день начала Великой Отечественной войны. Было это в доме отдыха в станице Верхне-Чирской на Дону. Когда по радио сообщили о нападении фашистской Германии на СССР, казаки, воевавшие против германца еще в Первую мировую, собрались и стали вспоминать боевые эпизоды. Они были готовы вновь встать на защиту Родины. Но никто не предполагал, какая долгая, страшная война ждёт всех нас.

Зимой 1941—1942 годов в станице Верхне-Курмоярской, где я учительствовал, саперы возводили мост через Дон, и среди них были пожилые солдаты. Я охотно приглашал их в школу, и они рассказывали о героическом прошлом русского народа. Летом 1942 года меня призвали на фронт, и там мне приходилось общаться с ними уже в боевой обстановке. Мне всегда интересно было их слушать — может быть, потому что сам я вырос без отца, который погиб ещё в Гражданскую.

Во время войны предельный призывной возраст был 60 лет. Но старыми мне казались уже те, кому было лет 45. На войне все выглядели старше своего возраста. Пожилых использовали в качестве ездовых, санитаров, кашеваров, ординарцев, служили они и в комендантских взводах, строительных батальонах, стрелковых подразделениях.

Первое, что бросалось в глаза, — это находчивость старых вояк. В конце апреля 1943 года наша морская бригада совершила трудный 140-километровый марш из района Торопца на передовую. Из-за страшной весенней распутицы обозы с провиантом безнадежно застряли, а мы доедали последние сухари. Однажды утром проснулись, а есть нечего! Выручил старый солдат. Рядом была сожженная деревня Лотоково.

Вооружившись саперной лопатой, солдат пошел на прошлогодние огороды и через некоторое время вернулся, набрав полкаски каких-то сероватых комочков. Оказывается, это был крахмал от невыкопанной картошки. Все с любопытством стали наблюдать, что он будет делать дальше. А он сложил эти комочки в котелок, добавил воды, присолил, перемешал. Потом развел костерок и на малой саперной лопатке стал печь лепешки. Были они сероватые, цвета золы, но есть можно. Сам попробовал и дал отведать другим. Так что больше суток, пока не подошёл наш провиант, мы всё-таки не голодали.

Старшему поколению воинов было присуще высокое чувство долга, в чём я не раз убеждался. В январе 1944 года наша 119-я гвардейская стрелковая дивизия воевала в районе НовоСокольники на 2-м Прибалтийском фронте. 23-го числа я весь день провел в 344-м стрелковом полку. Работы было столько, что нигде не удалось поесть. День клонился к вечеру, а я голодный, с мокрыми озябшими ногами, в дырявых сапогах, стал подумывать, где бы приткнуться на ночь. Неожиданно подвернулась подвода, которая отправлялась на КП дивизии. Сел я в сани, ноги прикрыл охапкой сена, и мы поехали.

Ездовой, старый солдат, оказался очень разговорчивым. Подчёркнуто громко стал он мне рассказывать о том, как любит коней.

— А почему вы так громко говорите? — спросил я его.

— Кто? Я-то? А меня контузило, оттого я теперича плохо слышу. А дело-то было вот как. Я, значит, привез на передовую мины. Ага, стали мы разгружать их, и вдруг что-то как шарахнет, а дальше я ничего не помню. Оказалось, рядом разорвался снаряд. Одну лошадь убило, вторую ранило, а меня же ну ничуть не задело! Только отбросило метров на пять. Очнулся я в медсанбате.

— Вы откуда родом? — спросил я его.

— Мы-то? Мы вятские! — не без гордости ответил он.

Я слушал старого солдата, и чудилось, будто в его образе предо мною вставали русские воины времен Куликовской битвы, штурма Измаила, сражения под Бородино, когда они геройски сражались и умирали просто, безвестно, но спасали и прославляли родную землю.

Для многих старых солдат эта война была не первой, раньше они воевали кто в Первую мировую, а кто в Гражданскую войну. Летом 1943 года, когда мы стояли на Ловати, я встречал одного солдата, который к тому времени за свою жизнь воевал одиннадцатый год! Все они считали, что еще могут принести пользу, раз случилась такая беда.

Был февраль 1945 года. Мы воевали на Курляндском полуострове в Латвии. Дивизию на несколько дней вывели во второй эшелон, полки расположились в лесу. За сутки солдаты соорудили шалаши из ельника, устроились. Погода была типично прибалтийская: дул ветер, лепил мокрый снег. По заданию начальника политотдела дивизии 10-го числа я прибыл во 2-й батальон 343-го полка, в котором было немало старых солдат. В шалашах слышался надрывный кашель.

После завтрака солдат вывели на лесную поляну, началось построение для занятий. На пожилых было больно смотреть: худые, морщинистые лица, болезненный вид. Один хромает, у другого рука не сгибается, шинель висит мешком, ремень наперекосяк. Мелькнула мысль: «Ну какие они вояки!»

В перерыве все собрались у костров, чтобы обогреться и перекурить. Я подошел к одной группе солдат. Рассказал им об успехах наших войск в Пруссии и о прорыве войсками 1-го Украинского фронта немецкой обороны юго-восточнее Бреславля. Речь зашла, конечно, и о самом злободневном — об окончании войны. Один солдат говорит:

— Ничего, и мы повоюем, паразита все равно добьем! Надо бы поскорее с этим справиться!

Подобное я слышал от них и раньше, но сейчас эти слова произвели на меня особое впечатление. В который раз душа наполнилась гордостью за свой народ, вот за этих старых русских солдат. Я был счастлив, что тоже принадлежу к этому народу. В полной мере это поймет только тот, кто пережил ту страшную войну!

Хочу поведать еще об одном моем впечатлении от старых солдат. У них все было особенным: и спокойный взгляд, выражающий приобретенную с годами жизненную мудрость, и рассудительность, и неторопливость движений, и манера обращаться друг к другу по отчеству. Не раз я наблюдал такую картину. Встречаются два сослуживца, и начинался у них разговор:

— Здорово, Митрич.

— Здорово, Петрович.

— Как дела?

— Да помаленьку.

Усаживаются на бревно и продолжают неторопливо:

— Ты не встречал Степаныча, что-то я его не вижу.

— Да его уже нет, убило еще под Мадоной...

— Да-а, то-то я смотрю, что его не видать.

На минуту они замолкали, поминая доброй памятью своего боевого товарища. Потом кто-то доставал кисет с махоркой, они сворачивали самокрутки.

— Огниво есть?

Петрович извлекал из кармана мешочек с приспособлением, которым, наверное, пользовались еще солдаты Суворова. В левую руку брал кремь, накладывал на него обуглившийся конец ватного жгутика, торчащего из металлической трубки, затем доставал стальную пластину — огниво — и с силой ударял по краю кремня. Высекалась искра, и микроскопические угольки на жгутике занимались огнем. Стоило немного подуть — и прикуривай.

В шутку эту премудрость солдаты называли «катюшей». Мы не раз смеялись: если такая «катюша» в качестве трофея достанется немцам, то для разгадки сей штуковины им придется собирать корифеев технических наук. И когда они наконец уразумеют ее предназначение, то воскликнут: «Невероятно, это же каменный век! Но ведь они победили!»

Таковы лишь отдельные штрихи к образу старого солдата на фронтах Великой Отечественной. В живых их теперь уж никого нет. Сегодня я, пожалуй, лет на тридцать старше этих бывших моих однополчан, и с высоты моих лет их образ предстает предо мною еще более благородным. Пусть и более молодые поколения преклоняются перед старыми солдатами за их подвиг во имя спасения Родины.

Женщины на войне

Говорят, у войны не женское лицо. Я, прошедший три года военными дорогами, сказал бы точнее: у войны отвратительное, омерзительное, кровавое лицо. И несмотря на это, наши женщины в момент смертельной опасности для Отечества вместе с мужчинами встали на его защиту. Знаете, сколько было женщин на войне? По официальной статистике, 800 тысяч! Они воевали в расчетах зенитных орудий, были снайперами, летчицами, пулеметчицами, поварами, телефонистками, врачами, медсестрами, санинструкторами. Трудно представить, как можно было бы обходиться без них на фронте! И в большинстве своем это были девчонки, вчерашние школьницы.

Я расскажу о судьбе двух школьниц, которые были участницами Сталинградской битвы. Верочка Тарасова — девушка из учительской семьи. Я хорошо знал ее мать — Таисию Ивановну и отца — Ивана Семеновича. По комсомольской путевке она была призвана в армию и попала в расчет орудия зенитной батареи, которая охраняла наш аэродром на подступах к Сталинграду. Был август 1942 года. Жаркий август. Как нещадно нас бомбили немцы! Вера вместе с подружками стояла у орудия по 12 часов. Однажды после смены девчата пошли в домик спать. Уставшие, уснули мгновенно. И вдруг налетели немецкие самолеты, одна бомба угодила в этот домик. Девчонки, в том числе и Верочка, сгорели живьем во сне. Ей было 18 лет.

Вторая, Мотя Попова, служила в медсанбате. Сначала санитаркой в 33-й дивизии 62-й армии генерала Чуйкова. После окружения немцев под Сталинградом дивизия дальше стала наступать на юг. Шли бои за Ростовом, за Доном. Поступали тяжелораненые. Принесли одного бойца с большой потерей крови. Чтобы спасти его жизнь, нужна была кровь — Мотя, не раздумывая, стала донором. Вскоре привезли раненого майора. И опять понадобилась кровь — она дала согласие на повторное переливание. В результате спасла жизнь человека, но сама потеряла сознание. Компенсировали такое донорство двумя порциями пшенной каши, рыбьим жиром и глюкозой. Вот и все.

Девушки были санинструкторами, выполняли опаснейшую работу — часто под огнем противника оказывали помощь раненым, выносили их с поля боя. И выносили непременно с оружием. Многие, в том числе и замужние женщины, шли на фронт добровольцами. Помню, на Ловати в 1943 году в нашей морской бригаде было семь семейных пар. Подобно подвигу жен декабристов, последовавших за своими мужьями на каторгу в Сибирь, наши женщины последовали за мужьями на войну. Может быть, это

загадочная русская душа? Но для нас нет ничего загадочного в желании людей, мужчин и женщин, встать на защиту своей Родины.

У нас были эскадрильи так называемых ночных бомбардировщиков. Это были двукрылые, простенькие самолеты У-2. За штурвалами часто сидели женщины. Они взлетали с прифронтовых аэродромов ночью. Тарахтели над немецкими позициями, сбрасывали гранаты и не давали немцам передохнуть. Немцы их звали ночными русскими ведьмами.

По выносливости девушки часто не уступали мужчинам, а иногда и превосходили их. Мне как-то довелось быть на марше с ротой автоматчиков. Марши совершались только в ночное время. Под утро уже все устали. Строй растянулся. И только время от времени слышался бодрый голос санинструктора Кати. Она командовала:

— А ну, автоматчики, подтянись!

И автоматчики подтягивались! И внешне девушки ничем не отличались от солдат: коротко подстрижены, шапка-ушанка или пилотка на голове, солдатская шинель, ремень. На ногах кирзовые сапоги мужского размера. Обветренные лица. Некоторые по-солдатски ловко крутили папироски. Курили махорку. Да, война отнюдь не облагораживает человека. За острым словом в карман не лезли. Помните строки Юлии Друниной, поэтессы-фронтовички:

Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.

Всё так, верно. Суровые военные условия диктовали свои законы. Не занимать было нашим женщинам и мужества, решительности. Помню, рассказывали такой случай. Один комбат весь день провел в траншеях, побывал в ротах, так как предстояло наступление, и под вечер, уставший, возвратился в свой маленький блиндажик. Фронтная подруга покормила его, налила чаю, он положил под голову полевую сумку и мгновенно уснул. Вдруг зазуммерил полевой телефон. Она взяла трубку и услышала тревожный голос командира роты, молоденького лейтенанта:

— Товарищ командир, тут немцы подозрительно шебуршат. Что мне делать?

Она решительно, командирским тоном ответила:

— Ты чё нюни распустил? Дай им огоньку, чтобы они там заткнулись, эти фрицы. А командира больше не беспокойте. Дайте отдохнуть.

Да, пожалуй, такая женщина в особом случае, если командир выйдет из строя во время боя, сможет и командование батальоном принять на себя!

В тылах каждой стрелковой дивизии был так называемый банно-прачечный комбинат. В шутку его называли «мыльный пузырь». Там, конечно, работали исключительно женщины. В труднейших условиях, где-нибудь в сарае, в разрушенном здании или просто в наскоро поставленной парусиновой палатке они топили печки, сооруженные из больших металлических бочек, грели воду и вручную перестирывали горы белья и солдатского обмундирования. Работали буквально до упада. Порой, держа в руках окровавленные солдатские рубахи, они глотали слезы. Вспоминали своего отца, брата, мужа, который тоже где-то там воюет. И это был героизм будничной, повседневной.

Расскажу об одной встрече, воспоминание о которой я не мог не записать в свой фронтовой дневник. Это было в Курляндии 18 октября 1944 года, пять дней спустя после освобождения нами Риги. Девушку звали Верой. Мы знали друг друга еще со Сталинграда. На Ловати она была радисткой во 2-м батальоне, а сейчас служила в

штабной батарее нашего 325-го артиллерийского полка. Она пришла в политотдел дивизии за получением кандидатской карточки. Был погожий день. Мы присели с ней во дворе, разговорились, как старые знакомые. И она поделилась со мной:

— Что-то стала я уставать. Вот недавно уснула в ровике. Рядом разорвался артиллерийский снаряд, и булыжником меня ударило по голове. Шишка вроде прошла, а голова до сих пор болит. Рацию ношу на себе. А она ведь весит 22 килограмма! Вот иной раз и подумаешь: «Ну зачем немцы так далеко отступили, сколько можно их догонять?» И нервная я стала. Вот устанавливаешь радиосвязь с батареями — они не отвечают, а надо огонь вести, и тут от связи зависит всё!

Я сидел напротив. Была она одета в солдатскую шинель. Простое русское лицо, морщинки не по годам. Я вздохнул: что делает с нами эта подлая война!

Но человек, тем более молодой, живёт везде, даже на войне, где смерть и смех часто рядом. Когда после Сталинграда мы формировались в районе города Торопца, бывало, что где-нибудь в деревне устраивали танцы, по которым давно все соскучились: и солдаты, и деревенские девчата. На танцы в деревню ходили и две наши медсестры — Полина и Нина. В шутку солдаты Полину звали Павликом, а Нину — Федькой. А поскольку они были одеты так, что их от парней и не отличишь, то деревенские девчонки танцевали с ними. А когда закончилось наше пребывание в резерве и мы стали отправляться на передовую, то вот этот «Павлик-то» своей подружке дал номер полевой почты, и она все лето 1943 года писала ему письма — мол, люблю, целую... В роте эти письма зачитывали вслух и со смеху покатывались. А потом коллективно сочиняли ответ, который тоже заканчивался: «Люблю, целую». Что поделаешь, молодые ведь, и в их фронтовой жизни веселых минут было так мало! А если они выпадали, то солдаты предавались им всей душой.

И вот еще вспоминается. Крутой левый берег Ловати весь был изрыт блиндажами, землянками, нишами, баньками, какими-то лисьими норами. Немцы этот берег часто подвергали мощным артиллерийским и минометным обстрелам. На фронте удовольствие помыться горячей водой было редчайшим, божественным удовольствием. И вот в один прекрасный день растопили баньку на берегу. Санинструктор Аня решила воспользоваться таким случаем. Не успела она в полной мере насладиться банькой, как начался очередной обстрел. Рвутся снаряды, а она продолжает мыться. Рядом оказался молоденький солдатик, заметался. Видит, дверь — он туда. А там баба — в чем мать родила. Он пулей назад! А она ему вслед: «Чё испугался, спинку бы потер!» Отчаянные были девчата!

Часто спрашивают, была ли на фронте любовь. Ну а как же! Конечно! Пока человек жив, все человеческое остается с ним. Даже в экстремальной ситуации, будь это тюрьма или война, человек никогда не пропустит случая испытать, пусть мимолётно, это ни с чем не сравнимое чувство. Причём надо иметь в виду, что каждый понимал: сегодня жив, а завтра... Случалось, что девчонки беременели и при достижении определенного срока их снабжали необходимыми документами, продовольственным аттестатом и отправляли в тыл. А когда рождался ребенок, то могло быть и так, что отца его уже не было в живых. Но в этом случае боец не исчезал бесследно, его жизнь продолжалась в этом ребёнке.

На последнем этапе войны чаще случались и фронтовые свадьбы. Брак оформлялся приказом командира части. В землянке или блиндаже устраивали скромное фронтовое застолье. Это было радостное и необычное событие для однополчан. Событие на войне. По опыту знаю, что такие семьи, союз которых был скреплён общими переживаниями и опасностью, впоследствии оказывались очень прочными. Через годы они рассказывали потомкам историю своей любви, а те слушали и затаенно гордились.

Люба Капитонова

Наше летнее наступление в Латвии успешно продолжалось. Были освобождены города Виляны, Варакляны, преодолена Лубанская низменность, форсирована река Айвиекстэ. 13 августа 1944 года фашистов выбили из городка с поэтическим названием Мадона. Но война есть война, и от трагедий не застрахован никто, даже и победоносно наступающая сторона.

Освобождая Мадонский район, 25 августа вечером наш 343-й стрелковый полк овладел деревней Авотыни. Подходы к деревне оказались топкими, и полковые пушки решили подвезти на следующий день. Быстро спустилась августовская ночь. Выставили боевое охранение, остальные разместились по домам и подвалам на отдых. Наутро противник после мощного артобстрела атаковал деревню двумя батальонами при поддержке «фердинандов», отразить эту атаку нам было нечем. Немцы ворвались в деревню, в окна и подвалы полетели их гранаты. От неожиданности возникла суматоха и неразбериха.

Пригибаясь, через двор бежала санинструктор Люба Капитонова. Вдруг почувствовала, как что-то кольнуло под лопатку. Увидев кого-то из наших, пробежавшего мимо, крикнула:

— Я ранена!

Тот подбежал к ней, расстегнул ворот гимнастерки. Из небольшой ранки на груди вытекали розовые пузырьки. Люба подсказала ему, чем и как закрыть эту рану, — санитарная сумка при ней. Ей показалось, что дышать стало легче, и она отпустила бойца:

— Ну ты беги, а я сама дойду через жито. Дойду, не беспокойся!

За сараем было ржаное поле. Он побежал наискосок к мелколесью. Люба пошла напрямик. Роста она небольшого, и высокая рожь почти полностью ее скрывала. Прошла немного и почувствовала, что дышать трудно, силы оставляют её. Сделала еще несколько шагов и села на землю, поняла, что до леска ей не дойти. Потихоньку встала и медленно направилась назад к сараю. Вокруг никого — ни наших, ни немцев.

В сарае она зарылась в кучу соломы. Но вдруг пришла мысль: а ведь немцы могут прийти за соломой и обнаружат ее! Еще вспомнила, что во дворе осталась ее шинель. Выбралась из своего убежища, взяла шинель и снова в сарай. Осмотрелась. Видит, открыта дверь, за ней — овин. Заглянула внутрь — темно, разглядела только большую печку для сушки снопов. Перешагнула через высокий порог, закрыла за собой дверь и спряталась за печкой: будь что будет!

Разные мысли роились в голове. Вспомнила про партийный билет и солдатскую книжку. Распоролa подкладку в рукаве шинели и опустила в него документы и две медали — «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». Комом свернула шинель, затолкала ее в проем. Мучила жажда... Вдруг заскрипела дверь, и послышалась гортанная немецкая речь. Люба молилась, чтобы не закашлять. Немцы заглянули в черную пасть овина, немного постояли и удалились. Из санитарной сумки она достала две ампулы с морфием, выпила, чтобы унять боль, и заснула.

Когда очнулась, увидела проникающие сквозь щели лучи утреннего солнца. Потом послышались разрывы снарядов во дворе — это наши начали атаку, чтобы выбить немцев из Авотыни. «Вот угодит снаряд в сарай или солома загорится, обидно будет от своих же погибнуть», — рассуждала про себя Люба. К счастью, ничего этого не произошло. Послышались крики «ура-а!» и мать-перемать наших солдат. Эти родные слова были как бальзам на душу! Немцы отступили. Убедившись, что наши уже во дворе, Люба вышла из сарая. Бледная, еле живая, она тянула за собой санитарную сумку и шинель. Пробежавший мимо командир роты удивился:

— Люба, ты откуда?

— Как откуда? Из сарая, сутки пряталась.

Любу отправили в медсанбат, там из ее легких выкачали много крови. Встретил я ее сразу по возвращении в полк из госпиталя, тогда она и рассказала мне, что произошло в деревне Авотыни. Ее рассказ я тоже записал в дневник. Любовь Капитонова, ныне Александрова, службу в армии начала в октябре 1941 года в 154-й отдельной морской стрелковой бригаде и воевала до победного дня. Награждена орденом Красной Звезды и тремя медалями. Пережитые ею драматические сутки в деревне Авотыни она считает днем своего второго рождения.

Когда наши солдаты изгнали из этой деревни гитлеровцев, они обнаружили следы их чудовищных зверств. В их руки попали две девушки, одна была ранена. Здоровую изнасиловали и обеих расстреляли. В проем подвала, где находились наши раненые, немцы произвели несколько выстрелов из самоходного орудия. Фашисты оставались фашистами! И на завершающем этапе войны они зверствовали особенно.

Мы продолжали успешно наступать на Рижском направлении. 9 октября 1944 года части нашей дивизии освободили небольшой дачный городок Огре на правом берегу Западной Двины.

В городке было много свободных дач, и мы, политотдельцы, заняли одну из них. Утром наш солдат организовал на свежем воздухе завтрак. Потом мы прогулялись по городку, поговорили о том, что неплохо бы было отдохнуть здесь пару дней. На одной высотке была вышка, и мы с капитаном Кашиным поднялись на нее: оттуда можно было наблюдать переправу наших подразделений через реку. И вдруг, совершенно неожиданно, мы стали свидетелями трагической картины. Девять наших штурмовиков пролетели над нашими головами, сделали круг над переправой и стали обстреливать ее реактивными снарядами, потом бомбить. На переправе заметались: бегут люди, скачут лошади, пытаются отъехать в сторону машины. А самолеты отбомбились и улетели. Стало ясно, что летчики, видимо, получили неверные координаты. Потом выяснилось, что четыремя километрами ниже по течению реки была немецкая переправа, ее-то и надо было бомбить! Увы, на войне бывало и такое...

Тут я позволю себе сделать отступление и описать случай, о котором мне поведал один военный летчик. В 1980 году я отдыхал в военном санатории в Светлогорске, на берегу Балтийского моря. В комнате со мной оказался бывший пилот Ила. Я рассказал ему о той трагедии на переправе Западной Двины и спросил:

— Как это могло быть?

— Значит, летчики перепутали квадрат бомбежки, — ответил он и изложил свою историю:

— В июне 1943 года эскадрилья наших штурмовиков получила задание пробомбить и обстрелять артиллерийские и минометные позиции немцев. Это было на Курской дуге. Мы вылетели, и через какое-то время от командира эскадрильи поступил сигнал начать бомбометание.

Стали бомбить, и тут — странно! — никто не ведет по нам огонь из полевых зениток. Подозрительным это показалось и командиру эскадрильи, он дал команду все прекратить и возвращаться на свой аэродром. Возвращались мы с тревогой на душе, и не случайно. Когда сели, заметили некую суматоху — на поле было много командиров, каких-то автомобилей, незнакомых людей. Явно что-то случилось. Первая наша реакция была такой: выбравшись из кабин, бежать в разные стороны. Но далеко мы не убежали. Нас переловили, как цыплят, предстояло отвечать перед особым отделом и военным трибуналом.

Оказалось, командир эскадрильи перепутал квадрат бомбежки, и мы отбомбили своих, причем среди убитых оказался и один генерал. В двадцать четыре часа нас разжаловали и вынесли приговор — штрафной батальон. Несколько месяцев мы пробыли

в штрафбате. Но мы же летчики!
И по сути, не были виновны в случившемся. Нас вернули в авиацию, и я провоевал до конца войны.

Война и дети

Часто я думаю о войнах вообще. Сколько же их было в истории человечества за все времена! Этих нелепых конфликтов, которые люди не смогли разрешить мирно! Французскому мыслителю Вольтеру принадлежат слова: «Война превращает в диких зверей людей, рожденных для того, чтобы быть братьями». Но войны продолжают до сих пор.

Самыми незащищенными в военное время становятся старики и дети. На заключительном этапе Сталинградской битвы, в конце января 1943 года морские пехотинцы нашей бригады штурмом овладели очень важным опорным пунктом немцев — элеватором. На следующий день я побывал там. Место это я хорошо знал, потому что сам учился в Сталинграде. Возле элеватора встретил девочку-подростка. Она рассказала, что, когда немцев окружили, те уже стали жрать и кошек, и собак, а также пытались варить кашу из оставшегося в хранилищах зерна. В основном, зерно было обгоревшим, и тогда они стали сгонять детей, заставляли их на морозе, голодных, перебирать это зерно.

Встреч, которые никогда не сотрутся из памяти, было немало. Помню, отправился я в политотдел 22-й армии, было это 31 августа 1943 года, накануне начала учебного года. Вечером зашел в крайний дом деревни Курово, чтобы попроситься переночевать. В доме жили женщина и ее сынишка. Наступило утро 1 сентября, день выдался хороший, солнечный. Деревья в золоте, ребятишки потянулись в школу. И тут выяснилось, что сын хозяйки дома в школу идти не хочет: мол, проучился четыре класса, читать-писать умею — и хватит! Я стал уговаривать его, объяснял, что война скоро закончится, для восстановления хозяйства и дальнейшей мирной жизни будут нужны грамотные, образованные люди. Наконец уговорил: мальчик собрался и пошел в пятый класс. Я был удовлетворен: как учитель внёс свой вклад в дело образования.

В начале октября 1943 года уже на Ленинградском фронте, по направлению к городу Великие Луки, мы готовились к наступательным боям. Помню, остановились у деревни Бурдаки. Несколько человек из политотдела разместились в доме, где находились четыре семьи, пригнанные откуда-то из Ленинградской области немцами. В каждом углу — по одной семье. Однажды я был свидетелем такой сцены: открывается дверь и входит подросток с мешком за плечами. Ловко сбрасывает этот мешок, полный картошки. Выяснилось, что, возвращаясь из Великих Лук, он попал под артоналет. А немцы часто обстреливали, особенно вокзал. Он прятался, не в силах бросить мешок с драгоценными трофеями, потом снова шёл, бежал, укрывался от снарядов. Обо всем этом он рассказывал по-взрослому, серьезно и деловито. Главное в его рассказе было не то, что он рисковал жизнью и, к счастью, уцелел, а то, что картошку, это спасение от голодной смерти, всё-таки донёс!

В январе 1944 года мы принимали участие в операции по полному снятию блокады Ленинграда. В деревне Иванцево на большаке было немалое скопление войск, техники. Немцы это засекли и методично из крупнокалиберных орудий обстреливали село. Я зашел в один дом обогреться. На лавке у окна сидела девочка лет семи. Она наблюдала, что творится на улице. Там пробегали туда-сюда люди, проходили машины, тягачи тянули орудия. Как раз немцы начали обстрел. Девочка продолжала спокойно сидеть и смотреть в окно. Вот разорвался снаряд, потом ещё. Она невозмутимо наблюдала за происходящим, уверенная в своей безопасности. Меня раздирали ужасные чувства:

неужели привычка, неужели вообще можно привыкнуть к этому, тем более ребёнку? Или уже безысходность?

Наконец 13 октября 1944 года была освобождена Рига. Наша 119-я гвардейская стрелковая дивизия принимала непосредственное участие в этой операции. Потом всю 10-ю гвардейскую армию передислоцировали южнее, в сторону города Ауце. Мы находились на марше. Остановились в одном латышском хуторе, где было большое фермерское хозяйство. Расположились на ночевку и не успели оглядеться, как прибежал подросток. Заговорил по-русски. Мы обрадовались, стали его расспрашивать:

- Как тебя зовут?
- Мишка.
- А откуда ты?
- С Духовщины, из-под Смоленска.
- А как сюда попал?
- Немец пригнал.

И далее он нам рассказал свою историю.

Всю их семью — мать, его и сестренку должны были увезти в Германию. Остановились в этом селе, и местный латышский фермер попросил, чтобы семью оставили здесь — ему тоже была нужна бесплатная рабочая сила. В общем, мать и дети под надзором хозяйки с утра и до вечера должны были работать в хозяйстве. Хозяйка следила за батраками строго, и если что-то не так, могла, например, не дать ужин. Сам же хозяин фермы служил офицером в латышской дивизии на стороне немцев. Мишка не слушался хозяйку, от работы отлынивал, на что она жаловалась в письмах к мужу. И он ей сообщал, что приедет и проучит этого строптивного «Ваньку». Действительно, время от времени офицер приезжал, пытался его наказать, гонялся за ним, но он всегда увертывался. Конечно, нам было жаль этих детей, но, с другой стороны, возникала гордость, что в этом подростке живет непокорная, свободолюбивая русская душа.

Мы заночевали. Хозяйка встретила нас с напускным радушием. Рано утром стали собираться в дорогу. Смотрим, а Мишка тут как тут. Крутится вокруг нас. Напросился, чтобы позволили ему немножко проехать с нами. Перед выездом я обернулся: латышка стояла у окна, скрестив руки на груди, ее остзейское лицо было злым, тонкие губы сжаты. Все притворство ее слетело. Мишка сидел на телеге. Его широкая улыбка выражала безграничную радость оттого, что наконец пришли свои и он уже может не бояться никаких хозяев. Доехали до кургана и попрощались с Мишкой. Мы тоже были спокойны: конец войны уже был очевиден, и у детей, и у всего нашего народа начиналась новая, трудная, но счастливая жизнь.